

Труд - 1998. - 6 окт. - с. 4

Почти за 40 лет работы в кино он сыграл в 70 фильмах. В их числе и те, которые, без сомнения, запомнились многим: «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Военно-полевой роман», «Проверки на дорогах»... Но вот уже три года, как у народного артиста России Николая

БУРЛЯЕВА нет ни одной роли. Что это, невостребованность? Сознательное уклонение от «лицедейства»? Нежелание играть в плохих фильмах? Или что-то еще?.. Наша встреча состоялась в фойе Госдумы. Сюда Николай Бурляев заходит нередко. По делам.

**НИКОЛАЙ
БУРЛЯЕВ:**

АКТЕРСТВО — ОПАСНАЯ ИГРА

— Николай Петрович, в жизни каждого человека, как и в жизни страны, бывают переломные моменты. Наверняка случилось такое и с вами...

— Первым важным поворотом в моей жизни стало то, что после «Андрея Рублева» я подружился с архимандритом Алипием, наместником Псково-Печерской лавры, ныне покойным, ставшим одним из чтимых нашей Церковью преподобных. Он мягко подвигал меня ко храму, от которого я тогда, как и большинство из нас, был далек, хотя и крещен в детстве.

Я довольно часто ездил в Печеры, и в наших беседах отец Алипий ненавязчиво, ни к чему не призывая, подводил меня к тому, чтобы я задумался о путях дальнейших. Было это 30 лет назад.

Потом был другой поворот — переход из актерства в режиссуру, к которому я готовился практически с тех пор, как стал актером.

— Так рано?

— Да, еще на съемках первого фильма, в котором я участвовал, — дипломной работы Андрея Кончаловского «Мальчик и голубь». Было мне тогда 13 лет. И вот, глядя на то, как он работает (а работал он и на первой своей картине профессионально, творчески, красиво, уверенно), я задумался над тем, что вот бы и мне стать режиссером. И пошел к этой цели. Но лишь 15 лет спустя, в 1974 году, я поступил во ВГИК на режиссерское отделение. После того, как уже много было сыграно в кино, очень много.

— Но многие, помня старые ваши работы, особенно «Иваново детство» и «Андрея Рублева», считают, что вы прежде всего актер. Вы еще вернетесь к исполнительской деятельности?

— Не знаю. Как будет угодно Господу. У меня нет желания быть актером. Просто так вышло, что я им стал. Попал в руки Кончаловского, потом Тарковского — и пошло. Но я не хотел быть актером — ни-ко-гда! Я всегда относился с иронией к этой профессии, хотя всегда играл с полной отдачей.

— А почему «с иронией»?

— Да потому, что дело-то уж больно подчиненное, вторичное. Над тобою все время чья-то воля — автора, режиссера, и ты должен ее исполнять. А часто это воля дурная. Но актеры идут, продают душу, тело...

— Да, но это касается очень многих профессий.

— Актерство — в принципе очень опасная штука, потому что в этом есть элемент любования собой, гордыня. Немного актеров-личностей я могу назвать, тех, кого по-настоящему уважаю. Это Шукшин, Бондарчук, Инна Чурикова...

— А из режиссеров кто для вас эталон?

— Естественно, Андрей Тарковский. Он был Андреем Первозванным в нашем кинематографе и первый у нас начал возводить человека, душу его к Богу. Когда об этом нельзя было говорить, он говорил. И прошел свой крестный путь здесь, в России, и умер изгнанником. И умер потому, что стал изгнанником. Он боготворил Россию. Он любил Россию тогда, когда это было не модно. И говорил при мне десятки раз, что «как бы трудно ни было, нужно жить и работать в России». Это буквальная цитата. Как идея навязчивая. Он словно чувствовал, что его когда-то удалят из России. И вот в те годы, которые он был вне России, его и поедал рак, пока не победил.

— Наверное, счастье — общаться с таким человеком?

— Да, это большое счастье: он для меня — человек судьбы.

— А Бондарчука вы ставите с

ним рядом как художника?

— Ставлю. Это два гения, две вершины равновеликие. Просто они разные.

— Встреча и общение с Тарковским, а потом с Бондарчуком тоже были если не переломными моментами, то важнейшими этапами вашей жизни и творчества...

— Безусловно. Это давало пищу уму и сердцу. Вообще на протяжении жизни я несколько раз менял взгляд на то, для чего я рожден. Сначала думал, для того, чтобы быть поэтом. Затем — для того, чтобы быть режиссером. А теперь вот, пройдя полувековой жизненный путь, думаю, что я рожден для того, чтобы был создан и существовал «Золотой витязь» — кинофорум, собирающий силы русского, славянского кинематографа. Ему я сейчас и отдаю себя без остатка. Потому и не снимаю, и не снимаюсь.

— Некоторые считают, что созданный вами кинофорум как бы отделяет славянский мир от остального, превозносит славянскую культуру, славянские идеалы над духовными ценностями других народов...

— У нашего форума нет такой цели. Хотя, конечно, сам факт нашего появления так или иначе противопоставил нас многим кинофестивалям мира, которые грешат всездозволенностью, всеядностью, не думают о душе и о заповеди, оставленной нам Иисусом: «Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, чрез кого они приходят». У нас строгий, высокий по духу девиз: «За нравственные христианские идеалы, за возвышение души человека». То есть мы вроде бы ограничили себя этим девизом, но это не так. Если другие кинофорумы жалуются на то, что не могут набрать должного количества картин, то мы каждый год показываем 140—170, а в этом году 180 фильмов.

Сначала не создавали до конца, а теперь поняли, что сделано открытие — собрана коллекция картин славянского православного мира. Сейчас в нашем архиве уже около тысячи картин. Мы увидели, что в этом мире есть кинематографическая славянская культура, о которой как о явлении никто не говорил. Это, по сути, собранный нами из разрозненных ручейков новый мощный поток в кинематографе. Как в любом искусстве, в кино есть два пути — или к Богу, или к дьяволу: или поднимаешь душу человека на более высокий духовный уровень (то, что и должен делать художник), или низводит ее в преисподнюю...

И вот мы видим, что есть два потока: признанный всем миром, раскрученный всеми телеканалами, телекомпаниями — и другой, не признанный нашей критикой. Но жизнь идет не по их законам. Они пишут, показывают по телеканалам то, что им угодно, а почему-то в этом году парламент России дает нам строку в бюджете и практически признает статус государственного кинофорума за «Золотым витязем». Это просто поразило всех — и нас, кто предавал этому делу, и тех, кто нас не очень любит. И вот что замечательно: на первом «Витязе» было семь стран, а в этом году — уже

28. Приехали из Америки, Китая, Японии, Монголии, Испании, Германии, Англии, Шотландии, Австралии... Мы открыты всему миру, но не всех приглашаем, а только тех, кто удовлетворяет требованиям высокого девиза. Это единственное условие. А в принципе у нас нет обособленности. Наш корабль примет на борт каждую Божию душу.

— В свое время вы исполнили роль Иешуа Га Ноцри в фильме Юрия Кары «Мастер и Маргарита». Как отнеслась к этому Православная церковь?

— Церковь, насколько я знаю, к воплощению этого образа на экране относится отрицательно, и это, я думаю, правильно. Потому что каждый актер — человек грешный. Но сказать однозначно, что я был не прав тогда, не могу. Когда мои родственники приехали на остров Залета, что под Псковом, к знаменитому ныне старцу отцу Николаю (они, кстати, отговаривали меня от работы над ролью Иешуа), он им сказал, что отговаривать не стоит: «Ведь это по промыслу Божию...» Таково было заочное благословение, полученное в России. С этим я уехал и с молитвой взялся за работу. А задолго до этого один из иерархов нашей Церкви на вопрос о том, имеем ли мы право братья за такого рода темы, ответил: «Не только можете, но и должны это делать, если Господь избрал вас на этом месте воевать за душу человека. Потому, что если не вы, то другие будут делать, и уже совсем иное». Кроме того, на это деяние я получил благословение у Гроба Господня в Иерусалиме, где был причащен перед началом работы.

— Как вы относитесь к нынешней «великосветской» тусовке, в которую входят в том числе и кинематографисты?

— Мне жалко этих людей. Я лично никогда не был в их кругу, жил отдельно — своей жизнью. Разумеется, много моих коллег купается в том омуте. Богемные и иные эгоистические радости нашей теле-, кино- и театральной элиты меня нисколько не прельщают. О таких, как они, сказано в Библии: «Хотя бы возросло до небес величие его, и голова его касалась облаков... как сон, улетит, и не найдут его; и, как ночное видение, исчезнет». Да, их показывают часто на телеэкране, они сами себя постоянно афишируют, хвалят, награждают. Они же ставят заслоны «Золотому витязю», хотя я каждый год приглашаю к нам на форум ведущие российские телеканалы.

Беседу вел
Александр КЛИМОВ.